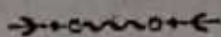

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О

ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛѢ

ВЪ РОССІЙСКО - ИМПЕРАТОРСКОМЪ ТИТУЛѢ
УПОМІНАЕМОЙ (*).

Лѣтописи наши съ XI до половины XVII вѣка, составляющія, какъ бы непрерывную цѣпь, долго оставались безъ должнаго уваженія и починъ безъизвѣстности. Пётръ Великій, въ проѣздѣ свой чрезъ Кенигсбергъ въ 1716 году, первый обратилъ вниманіе на

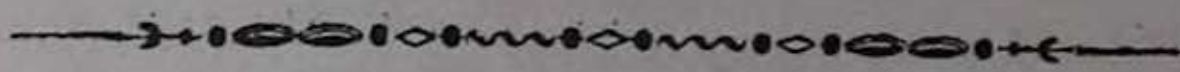
*) Извлеченіе изъ книги: Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften durch Ph. Krug. St. Petersburg 1816. S. 264 in-4°. Извѣстія о сей книгѣ и разборы оной, помѣщены въ слѣдующихъ журналахъ: Wiener Litteratur-Zeitung 1816. Aug. N°. 67. S. 1061 — 1099. D. (Добровскаго);

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О

ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛѢ

ВЪ РОССІЙСКО - ИМПЕРАТОРСКОМЪ ТИТУЛѢ
УПОМИНАЕМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1818.

Гадзивиловскій списокъ Несторовой лѣтописи, которая почивается единственнѣйшимъ источникомъ древней ошечественной Исторіи. Въ царствованіе Екатерины II. напечатанъ наконецъ (1767 г.) Никоновскій списокъ при Академіи Наукъ, коея членамъ обязаны мы главнѣйшими изслѣдованіями по части древней Россійской Исторіи. Знаменитый Байеръ († 1758) первый старался пояснить Рускія древности и нерѣдко прибѣгалъ къ Азіатскимъ и Византійскимъ писателямъ. Миллеръ, обозрѣвая архивы по случаю своего долговременнаго путешествія по Сибири, собралъ многіе драгоценныя матеріалы и помѣстилъ оныя въ твореніи своемъ: *Sammlung Russischer Geschichte*. Больше же всѣхъ Россійская Исторія обязана Шлецеру. Остроумною критикою возстановилъ онъ не только нашего Нестора *), но и вообще достоверность самой Исторіи. На-

Hallische Litter. Zeitung 1816. Nov. N°. 275. S. 593—598 und N°. 276. S. 601—603 (Рюса); Leipz. Litt. Zeit. 1817. May. N°. 133. S. 1059—1062; Annales Encyclopéd. 1817. Sept. T. V. p. 127—147 (Клапрота); Götting. Gel. Anz. July. N°. 114; S. 1129—1135. W. (Ведкинда).

*) Стараніемъ Г. Лыкова, Шлецеровъ сличенный Несторъ переведенъ на Россійской

чертанныя имъ правила несомнѣны, хотя иногда и самъ онъ прошивъ ихъ погрѣшалъ. Безъ нихъ, вся Исторія могла бы превратиться въ собраніе нелѣпыхъ вымысловъ, и истина, главное основаніе сей науки, должна бы исчезнуть. Между тѣмъ однако, какое то непреоборимое тщеславіе, увлекавшее его къ преніямъ, иногда совершенно ничтожнымъ и бесполезнымъ, Шлецеру можеть нѣкоторымъ образомъ бытъ вмѣнено въ погрѣшность, заимѣвающую его славу. Не смотря на сіе, еслибъ онъ писалъ слогомъ болѣе естественнымъ, то твореніи его, по богатству мыслей, — хотѣя не всегда основательныхъ, но не рѣдко разительныхъ и образцовыхъ, — и по рѣзкому, часто даже въ воспоргъ приводящему изображенію предметовъ, никогда не преспавали бы привлекать къ себѣ читателей. Жалуются также на Шлецера за то, что онъ не обращалъ вниманія на Азіатскихъ писателей, безъ пособія коихъ, нельзя пояснить нѣкоторыхъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ. — Одинъ шокмо Лербергъ умѣлъ избѣ-

языкъ. Въ переводѣ 1 часть подлинника соединена со вступленіемъ ко 2 части; остальное изъ 2 части присоединено къ 3 части подлинника для соснавленія 2 тома на Рускомъ языкѣ.

жасть сихъ недоспашковъ. Соединилъ вкусъ съ основательностію, ясность съ глубокомыслиемъ; онъ одаренъ былъ величайшею способностію одушевлять самые обыкновенные и по видимому мало занимательные предметы: правильный ходъ мыслей и слова принадлежишь къ главнымъ его достоинствамъ. — Сколь обильныхъ плодовъ могла ожидать Исторія отъ сего мужа, какъ бы для нее совершенно рожденнаго, еслибъ внезапная смерть не похищила его! Потеря Лерберга не только чувствительна для ученыхъ, но и для пріятелей его, которые лишились въ немъ друга искренняго; челоѣка, во всѣхъ отношеніяхъ отличнаго и примѣрнаго.

Ааронъ Христіанъ Лербергъ родился въ Дерпнѣ 7го Августа 1770 года. Еще до рожденія своего лишился онъ отца, и сія потеря ввергла семейство его въ крайне бѣдное состояніе. Но возрасшая подъ призрѣніемъ добродѣтельной матери, онъ облегчалъ ея труды и несчастную долю прилѣжаніемъ и примѣрнымъ поведеніемъ, снискавшими ему въ скоромъ времени нѣкоторое покровительство.

По окончаніи приуготовительныхъ наукъ въ городскомъ училищѣ, на 18 году своего воз-

роста отправился онъ въ Ену: Здѣсь юный Лербергъ нашелъ обширное поле для своихъ занятій и средство къ развитію врожденныхъ способностей, которыми не укрылись отъ взоровъ его наставниковъ. Но бѣдность и недоспашковъ; часто омрачали веселое чело его; и останавливали въ успѣшныхъ начинаніяхъ. При всей умеренности своей, нажилъ онъ долги, и по недоспашку въ содержаніи, видѣлъ приближеніе минушы, въ которую долженъ будетъ оставить на всегда Университетъ. Въ сіе время благопріятный случай доставилъ ему знакомство съ его единоземцемъ Г. фонъ Бокомъ, уѣзднымъ предводителемъ дворянства, который, принявъ Лерберга наставникомъ своихъ дѣшей, заплашилъ въ Ену всѣ его долги, доставилъ ему способы окончить курсъ наукъ въ Геттингенѣ, и общался отпустить на своемъ иждивеніи во Францію и Англію. По причинѣ революціи Лербергъ не былъ во Франціи; но потерю сію вознаградилъ онъ долговременнымъ пребываніемъ въ Англіи, приобрѣвъ тамъ полное познаніе Англійскаго языка. Возвратившись въ Россію, онъ занимался воспитаніемъ дѣшей своего благодѣтеля; въ 1807 году Императорская Академія Наукъ избрала его своимъ Адыюнктомъ, а

вскорѣ попомъ и Экстраординарнымъ Академикомъ. Предъ симъ еще въ 1803 году принималъ онъ живѣйшее участіе въ образованіи С. Пешербургскаго филантропическаго общества, которому представилъ разные сужденія объ Англійскихъ попечительныхъ заведеніяхъ. Но ученія занятія его прерываемы были уже съ 1800 года частыми болѣзнями, которыя, увеличиваясь съ того времени болѣе и болѣе, были наконецъ причиною его кончины, послѣдовавшей 24 Июля 1813 года. Воздавалъ уваженіе и справедливостъ дарованіямъ и знаніямъ сего мужа, не менѣе должны мы почтить и Г. Академика Круга, который посвятилъ болѣе двухъ лѣтъ на довершеніе и изданіе трудовъ его. Будучи соединены неразрывными узами дружества, оба сіи Историка раздѣляли между собою занятія; сообщали другъ другу свои открытія и сомнѣнія, подвергали строгой критикѣ произведенія пера своего и были взаимными свидѣтелями ученой ихъ жизни, посвященной единственно наукамъ. Лербергъ занимался преимущественно древнею Россійскою Географіею и Генеалогіею, а Г. Кругъ Хронологіею и Нумизматикою. Распредѣливъ такимъ образомъ занятія, они, — чувствуя невозможностъ сочиненія полной Исторіи Россійскаго Госу-

дарства, безъ предварительнаго изслѣдованія и поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ, коихъ настоящее значеніе, переданное намъ лѣтописцами, замѣнено различными обстоятельствомъ, — посвятили себя изслѣдованіямъ частныхъ предметовъ. Н. М. Карамзинъ, пользуясь ихъ изысканіями отдастъ имъ должное уваженіе: — признастельностъ возвышаетъ и самого благодарящаго. * Лербергъ, кромѣ сихъ напечатанныхъ уже сочиненій, оставилъ множество любопытныхъ записокъ, касающихся до древней Руской Географіи, Этнографіи и Генеалогіи; также карты собственноручныхъ трудовъ, изображающія мѣста, бывшія предметомъ его изслѣдованій. Одна изъ сихъ картъ, которая представляетъ земли, лежащія отъ впаденія Камы въ Волгу, до Новой Земли и отъ Стокгольма до рѣки Ваха, впадающей въ Обь, къ особенному удовольствію ученыхъ занимающихся отечественною Исторіею, издана Государственнымъ Канцлеромъ Графомъ Николаемъ Пешровичемъ Румяновымъ. Изданныя же творенія его раздѣлены на шесть главъ: первая содержитъ описаніе земли, именуемой въ Россійско-Императорскомъ титулѣ Югорскою; вторая заключаетъ въ себя изслѣдованія о той стра-

нѣ, гдѣ обиталъ народъ Ямъ, и служилъ дополненіемъ къ Исторіи новой Финляндіи; въ шрешей изложенъ древній договоръ, заключенный въ первыхъ годахъ принадлежанія сношенія между Новгородцами и жителями Готландіи; четвертая содержитъ жизнь Великихъ Князей Владиміра Андреевича и Владиміра Мстиславича; пятая, описаніе нижняго Дняпра и его пороговъ; и наконецъ шестая, изысканія о мѣстоположеніи Казарской крѣпости Саркела и Бѣлавежи. Для примѣра сообщимъ мы здѣсь почтеннѣйшимъ читателямъ нашимъ извлеченіе изъ списанія о Югріи.

Названіе земли Югры, *Угры* или *Югоріи*, часто встрѣчается въ нашихъ летописяхъ и древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ, да и нынѣ еще упоминается въ Россійско-Императорскомъ титулѣ. Многіе говорили о сей землѣ, но никто не показалъ настоящаго ея мѣстоположенія. Татищевъ и Болонинъ описали ее къ рѣкѣ Югу, которая, соединяясь съ Сухоною, образуетъ Сѣверную Двину. Миллеръ и Фицнеръ полагали, что она лежала на берегахъ Ледовитаго моря у Пустозерска, между Печорою и Ураломъ; Шлецеръ послѣдовалъ сему мнѣнію, починилъ Вычегду Южною границею сей земли, а Георги думалъ, что

Югорская земля простиралась отъ Бѣлаго моря за Уралъ до рѣки Оби.

Всѣ сіи мнѣнія помѣнуемыхъ писателей не подтверждены историческими доводами. Древняя Югра, какъ доказываетъ Лербергъ, простиралась отъ Сѣвернаго Урала на Востокъ, за нижнюю Обь до рѣкъ Падьма и Агана; къ ней принадлежали страны, лежащія при Нижнемъ Иртышѣ, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Она граничила къ Югу землею, обитаемою Ташарами, а къ Сѣверу нынѣшними Самоѣдами. Изъ сего видно, что она составляла значительную часть Сѣверо-Западной Азии, включая въ себя обширныя земли, принадлежащія нынѣ къ Тобольской и Пермской губерніямъ.

Югры извѣстны намъ теперь подъ названіемъ Вогуловъ или Вогуличей и Обскихъ Остяковъ. Сіи два племена называютъ сами себя *Манси*; названіе же Вогуловъ перешло къ намъ отъ Зырянъ, которые именуютъ ихъ *Ваголь*. Вѣроятно также и то, что племена сіи получили свое названіе отъ рѣкъ Вогулинъ, протекающей близъ Сыгвы и отъ Вогулки, впадающей въ Обь у Березова. Въ древнія времена, вся страна сія была извѣстна подъ именемъ Югріи; но при новыхъ

ей наименованійхъ, первое совершенно изчезло и сохранилось только въ названіи сосѣдственныхъ горъ и береговъ. Еще по нынѣ Сѣверная часть Урала, называется Югорскими горами; Южный берегъ Карскаго моря, Югорскимъ, а каналъ между островомъ Вайгачомъ и швердою землею, Югорскимъ шаромъ.

Не входя въ подробное исчисленіе мѣстъ и городовъ, кои древле заключала сія славная земля, упоминаемая многими иностранными писателями, покажемъ, съ котораго времени встрѣчается она въ Рускихъ лѣтописяхъ. Въ первый разъ говорится о Югрии въ 1032 году, когда Новгородцы ходили подъ начальствомъ Боеводы Улеба на желѣзные врагъ, гдѣ и были они опражены, вѣроятно Югорцами, что утверждаетъ и Ташицевъ.

Пошомъ упоминается объ оной въ лѣтописи Несторовой подъ 1096 годомъ. „Юрій Торговичъ, родомъ Новгородецъ, рассказывалъ Нестору, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, послалъ онъ своего слугу въ Печору, которые дань даютъ Новгородцамъ. Оттуда прошелъ онъ въ Югру, а Югра есть народъ, говорящій особеннымъ языкомъ и обитающій въ Сѣверной странѣ, въ сосѣдствѣ съ Самоѣдами.

Жипели сказали слугѣ: мы узнали дивное чудо, о которомъ до сихъ поръ никто не слыживалъ и которое появилось только за три года. По дорогѣ къ Лукоморію есть горы, высокою до небесъ, въ которыхъ слышенъ кланчъ и говоръ; они просѣкаютъ гору, какъ будто хотишь сдѣлать опвершіе, но еще мало просѣкли. Они говорятъ, но языка ихъ никто не разумѣетъ; показываютъ на желѣзо и руками даютъ знать, что оное имѣетъ желаютъ. Кто дастъ имъ ножъ или косу, тому дадутъ мѣхи. Дорога къ симъ горамъ совершенно не проходима пошому, что наполнена снѣгомъ и лѣсами; къ шому же слишкомъ подалась къ Сѣверу.“

Сіе описаніе конечно относится къ Югорской землѣ, въ Сѣверной странѣ коей, по обѣимъ сторонамъ Обской губы, по сіе время, обитаютъ кочевья народныхъ племенъ: ихъ именуютъ Самоѣдами; по мнѣнію же Лерберга, это должны быть Зыряне и Пермьки, торговый и дѣлательный народъ, и дорога, которую пролагали они чрезъ Уральскія горы, для открытія себѣ новой торговли, есть, такъ именуемая Зырянская дорога, идущая въ Югру вдоль рѣки Сосвы и Вогулки. Изъ сего можно видѣть, что дорога сія начала

во время Нестора, и что торговое сноше-
ние народов, рано возникло в сей отдален-
ной странѣ.

Въ половинѣ тринадцатаго столѣтія Югра
встрѣчается уже въ лѣтописяхъ Новгород-
скою волостію; но когда именно она пришла
подъ власть Новгородцевъ, о семъ произше-
ствіи лѣтописи умалчиваютъ, хотя извѣст-
но, что Новгородцы весьма рано брали здѣсь
дань и распространили къ Востоку свои завое-
ванія. Еще въ 1187 году жили Югры, Печо-
ры и Заволочья побили сно имениныхъ Нов-
городцевъ, пришедшихъ сюда для сбора дани.
Сія непокорность Великому Князесвиу Рос-
сійскому, а болѣе еще желаніе онемешить за
убіеніе собирателей дани, побудило честолю-
бивыхъ Новгородцевъ предпринять въ 1193
году походъ для покоренія Югры. Собра-
ная дружина отправилась подъ предводитель-
ствомъ Воеводы Андрея. Она прибыла въ Ю-
гру, взяла укрепленный городъ и обратилась
къ другому, гдѣ находился тогда Югорскій
Князь; но сей умѣлъ противустать напа-
денію. Уже осада города продолжалась пять
недѣль, какъ Югорскій Князь выслалъ сказать
Новгородцамъ: мы копимъ серебро, соболіи и
иные узорочья, а поному не погубимъ

своихъ рабовъ, а съ ними и дань *). Между
тѣмъ тайно послалъ онъ искать помощи у
своихъ соотечественниковъ, и когда оную
получилъ, то пригласилъ Воеводу съ двѣнад-
цатью чиновниками въ городъ, гдѣ ихъ всѣхъ
повелѣлъ умертвить. Потомъ, тридцать
знавшихъ Новгородцевъ, а вскорѣ за симъ
еще пятьдесятъ, такимъ же образомъ обма-
нутые, имѣли равную участь; наконецъ
въ началѣ Декабря осажденные сдѣлали удач-
ную вылазку и побили на голову изнурен-
ныхъ голодомъ непріятелей своихъ. Тогда
восемьдесятъ изъ знавшихъ Новгородцевъ
спаслися бѣгствомъ и прибыли въ дома свои
уже въ концѣ слѣдующаго лѣта. — Вошь что
повѣствуютъ лѣтописи о неуспѣшныхъ похо-
дахъ Новгородцевъ въ Югру; но съ тринад-
цатаго столѣтія, какъ мы выше упомянули,
принадлежала она къ Новгороду, что под-

*) Въ горахъ, по Енисею, находящаяся изга-
рины и плавильни древнихъ шаманскихъ рудо-
коповъ, показывающія, что Сибирскіе народы
издавна плавилъ серебро и золото, дѣлая всѣ
нужныя для того орудія не изъ желѣза, а изъ
мѣди. Сія старыя рудокопни называются въ
Сибири Чудскими копями. См. Примѣчаніе 88
къ III тому Исторіи Государства Россійскаго.

тверждается нѣкоторыми уцѣлѣвшими доготорами Новгородцевъ съ ихъ Князьями; а въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ сполѣніяхъ *) Югорская земля упоминаема была уже въ числѣ обласней, платившихъ дань Великимъ Князьямъ.

Въ тринадцатомъ сполѣніи лѣтописи повѣствующей о трехъ походахъ, въ сію отдаленную землю, предпринимаемыхъ Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ. Первый былъ въ 1465 году. Великій Князь далъ повелѣніе Василию Скрабѣ отправиться туда съ Княземъ Василиемъ Ермолычемъ. Оставивъ Устюгъ 9 Мая они пошли и покорили Югорскую землю, взяли многихъ въ плѣнъ и привели съ собою въ Москву Югорскихъ Князей Колпака и Течика. Великій Князь плѣнникамъ симъ дозволилъ возвратиться, наложивъ на нихъ и на всю Югорскую землю дань, и наградилъ самаго Скрабу.

Названіе Югорской земли является въ титулѣ Великаго Князя Ивана Васильевича послѣ вшораго похода, предпринимаемаго имъ въ 1483 году. Одна изъ Лѣтописей, вѣроятно писанная въ Устюгѣ, говоритъ, что сей

*) Въ 1264, 1270, 1306, 1326 и 1471 годахъ.

Князь послалъ войско противъ Ассыва Князя Вогульского и въ Югру, лежащую по большой рѣкѣ Оби. Военачальниками были Князь Федоръ Курбскій Черный и Иванъ Ивановичъ Салтыкъ Травинъ. Они сразились съ Вогульцами при Устьѣ рѣки Пелымы, гдѣ Князь Вогульскій Юмшанъ обратился въ бѣгство. Послѣ сего Велико-Княжескіе Полководцы пошли внизъ по Тавдѣ мимо Тюмени въ землю Сибирскую, гдѣ взяли богатую добычу и плѣнныхъ. Отъ Сибири *) пошли они берегомъ Иртыша до большой рѣки Оби въ землю Югорскую и покорили Югорскихъ Князей. Последний же походъ былъ въ 1499 году. По повелѣнію Ивана Васильевича собрались изъ Сѣверныхъ обласней государства войска, и соединясь по разнымъ дорогамъ пошли въ отдаленную страну Югорскую. Одинъ изъ Велико-княжескихъ Воеводъ Князь Пешръ Феодоровичъ Ушашой, отправился съ боярскими дѣтьми изъ Вологды внизъ по Двинѣ въ Пинегу, а потомъ вверхъ по сей рѣкѣ до Волока, по которому перешелъ къ Кулою, гдѣ, соединясь

*) Развалины сего укрѣпленнаго городка, лежащаго въ 20 верстахъ выше Тобольска, на правомъ берегу Иртыша, видны еще по сіе время.

съ подоспѣвшими къ нему войсками, плыль внизъ 150 верстъ *).

Здѣсь Оленнимъ бродомъ, войско достигло рѣки Мезеня, коею вошло оно въ рѣку Пѣсу, а сею въ рѣчку Пѣскую. Отсюда Волокомъ переправилось оно къ двумъ озерамъ, изъ коихъ рѣками Рубихою, Чиркою и Цыльмою (или другимъ путемъ Чиркою и Цыльмою), прибыло въ Печору, коюрою и достигло города Успаша **). Баронъ Герберштейнъ описалъ сѣе достопамятное водное сообщеніе, и извѣстія его о семъ совершенно согласны, какъ съ древними лѣтописцами, такъ и съ новѣйшими и лучшими картами. Въ сѣе время

*) Въ древней Россійской Идрографіи (изд. 1773 года) на стр. 200 сказано: Протоку рѣки Кулой сѣю двадцать верстъ. Здѣсь говорится о снарыхъ вересахъ, которые содержатся къ нынѣшнимъ, какъ 5 къ 7.

***) Городъ Успашъ, по мнѣнію Лерберга, лежалъ при Печорѣ на шомъ мѣсцѣ, гдѣ Чугора впадаетъ въ сѣю рѣку, между 63 и 64 градусомъ сѣверной широты. На западномъ берегу Печоры находится знаменитая гора, куда привозжали Зырянне для ломки камня, который отправляли они въ отдаленныя страны. Путешествіе Лепехина Т. 3.

прибыли съ войскомъ въ Успашъ (въроятно также водою), два Воеводы Князь Семень Федоровичъ Курбской и Василій Ивановичъ Гавриловъ. Число войскъ простиралось тогда свыше четырехъ тысячъ Дворянъ и Болрскихъ дѣпей; изъ коихъ каждый имѣлъ еще при себѣ Болрскихъ людей. Среднею изъ трехъ дорогъ (*), которыя въ тѣ времена шли отъ Печоры къ Оби чрезъ Югорскія горы, отправились они 21 Ноября на лыжахъ къ каменному полю, простирающемуся отъ Каспійскаго до Ледовитаго морей. Цѣлую недѣлю проходили они горы и наконецъ, спустившись на равнину, достигли перваго непринимельскаго городка Липины, укрѣпленнаго острогомъ. До сего городка (нынѣ Вогульскаго мѣстечка, лежащаго въ Березовскомъ Узвѣ на рѣкѣ Сыгвѣ) войско

(*) Упомянутыя о сихъ трехъ дорогахъ, Лербертъ указываетъ на рѣки Усу, Чугоръ и Илищу. Чулковъ въ семъ случаѣ говоритъ, что первая дорога шла по рѣкѣ Олешу къ рѣкѣ Сосвѣ; вторая по рѣкѣ Шокуру къ рѣкѣ Сыгвѣ, а третья по рѣкѣ Уссекъ къ рѣкѣ Собвѣ, коюрая есть самая дальнѣйшая къ Сѣверу. — Т. I. стр. 97.

по исчисленію своему сдѣлало 4650 большихъ верстъ. Здѣсь высрѣчено оно было Югорскими Князьями, приѣхавшими изъ Обдора на Оленяхъ. По занятіи Лячины, Воеводы отсправились далѣе также на Оленяхъ, а войско, въ длинныхъ саняхъ, запряженныхъ собаками (*); они взяли сорокъ укрѣпленныхъ городовъ и болѣе тысячи знашнихъ особъ, въ числѣ коихъ и пятьдесятъ Князей. Послѣ сего Югра признала верховнымъ властеликомъ Ивана Васильевича и побѣдоносные Воеводы благополучно возвратились въ 1500 году съ плѣнными Князьями въ Москву. Упомянувъ кратко о походахъ, предпри-

(*) Камчадалы, Коряки, Тунгусы и другіе народы Восточной Азіи, ѣздили и по нынѣ такимъ образомъ. Сей родъ ѣзды былъ въ употребленіи на берегахъ Иртыша еще въ 1580 году и сохраняется по нынѣ въ Сѣверо-Западной части Сибири. Нѣкогда собаки употреблялись для ѣзды также на Западной сторонѣ Уральскихъ горъ (въ Перми), и обыкновеніе сіе въ древнія времена было въ употребленіи даже у народовъ, обитавшихъ на берегахъ Балтійскаго моря. Эспляндцы и Финляндцы по нынѣ называютъ милоу Реннікоогт, Ренісуогта, ш. е. собачье плетло (Hundelast).

нятыхъ въ Югру для покоренія оной подвластѣ Россійской Державы; покажемъ чѣмъ сія страна обращала на себя вниманіе, какъ въ сосѣдствѣ живущихъ, такъ и отдаленныхъ народовъ. Изъ приведенныхъ Лербергомъ мѣстъ о древней Югрии видно, что она занимала пространство, почти на шестнадцать тысячъ квадратныхъ миль и лежала въ холодномъ поясѣ. Почва ея была болотна и вовсе безлѣсна; но за то изобиловала она различнаго рода животноими, какъ по оленями, лосями, медвѣдами, куницами и наилучшими Казимскими бѣлками, Березовскими и Сургушскими соболями; а въ землѣ Восточныхъ сосѣдей Самоѣдовъ, водились лучшіе Тазскіе бобры. Всѣ сіи животнои снабжали жителей драгоцѣннѣйшими мѣхами, которые издревле были предметомъ значительной торговли. Россіане не только ходили въ Югру сухимъ путемъ, но ѣздили также въ оную чрезъ Сѣверный Океанъ отъ Архангельска, Мезена и Пустозерскаго острога. Миллеръ говоритъ, что во время Царя Ивана Васильевича ѣздили по Двинѣ изъ Холмогора моремъ въ Печору, а можешь бысть до Вайгацкаго пролива; но плаваніе казалось имъ болѣе труднымъ; они ходили

шуда чаще сухимъ пушемъ, который почи-
тали не столь опаснымъ. Было однако время;
когда они не знали еще сего морскаго пуши, и
когда предприимчивый духъ Новгородцевъ, воз-
бужденный новыми открытіями, стремился
болѣе и болѣе къ распространенію торго-
выхъ сношеній и власти республики; тогда
то предпринимали они и путешествія около
береговъ. Если же вспомнимъ, что Новгород-
цы въ десятомъ столѣтіи уже ѣздили по
Черному морю (*); что въ началѣ четырнад-
цатаго вѣка встрѣчаютъ ихъ у Северо-Запад-
ныхъ береговъ Норвегіи (**) и что по нынѣ
еще ходятъ малыя суда отъ Архангельска,
Мезеня, Пустозерска и Кола въ Новую Зем-
лю и даже къ Шницбергену: то не удиви-
тельно, что они ѣздили въ то время въ Кар-
ское море и къ Обской губѣ.

Сею по дорогою они могли всегда от-
правляясь за драгоценными мѣхами, если
встрѣчались имъ обстоятельство, затруд-
нявшія судоходство по Вычегдѣ и Печорѣ;
но, что въ поздніе времена рѣдко предприни-

(*) Constantini de adm. imp. in Bauduri Imp.
Orienti Vol. I. p. 59. B.

(**) Torfœi Hist. Norv. P. IV. p. 442, 456.

маемы были шаковыя плаванія, сіе произхо-
дило отъ великихъ переменъ торговли, быв-
шихъ въ сихъ странахъ, со времени поворе-
ніи ея Новгородцами. Впрочемъ, еще въ на-
чалѣ семнадцатаго столѣтія новопостроен-
ный на берегахъ Таза, городъ Мангазея снаб-
женъ былъ хлѣбомъ, привезеннымъ моремъ
изъ Архангельска (*), и Царь Михаилъ Тео-
доровичъ объявилъ Датскому Двору, что
Пустозерскъ построенъ не для торговли,
но токмо для выгоды ѣдущихъ въ Сибирь (**).
Пушь моремъ къ Обской губѣ не была столь
велика, какъ кажется при первомъ взглядѣ
на карту; его научились сокращать. Изъ
писемъ Англичанина *Джонса Логана* и сопу-
тника его *Вилліама Гордона фонъ Гулла*, по-
сланныхъ около 1611 года съ береговъ Печо-
ры въ свое отечество видно, что Рускіе не
обѣзжали тогда большаго мыса, отдѣляюща-
го Обскую губу отъ Карскаго моря, которой
Самодами именуется Яльмалъ (***) ; но ѣз-
дили къ Воспочному берегу до Устья рѣки

(*) Pallas' Neue Nord. Beyträge. V. 5. — Samml.
Russ. Gesch. VI. 515.

(**) Büschings Magazin. VII. 326.

(***) Samml. Russ. Gesch. T. III. p. 147.

Мутной (по новѣйшимъ картамъ подъ 70 гр. широты); и плыли вверхъ по сей рѣкѣ; попомъ, переправляли суда и товары свои волокомъ около трехъ верстѣ въ рѣку Зеленую и доходили такимъ образомъ сею рѣкою въ устья Оби и Таза. — Для переѣзда земли Яльмалъ, пошребно было времени около двадцати дней (*). Чулковъ говоритъ (**), что жители Сѣверной страны, для полученія мягкой рухляди, какъ прежде, такъ и по построении города Архангельскаго, ѣздили на рѣку Обь и до Мангазей. Кочи свои приѣхавъ изъ Двинскаго Устья въ рѣку Кару, осматривали обыкновенно на сей рѣкѣ; а по ней хаживали вверхъ сухимъ путемъ до другой рѣки, впадающей въ Обскую губу, при которой построивъ новыя суда, отправлялись на оныхъ далѣе. Такимъ же образомъ и возвращенный пушъ производили.“

Но не одни только ошечественныя лѣтописи упоминають о сей богатой,

(*) Recueil de voyages au Nord. T. IV. (Amsterdam, 1732. 12.) p. 513. — Nic. Witsen's Noorden-Oost Tartarye (1705). p. 936, 940.

(**) Въ историческомъ описаніи Россійской Коммерціи. Т. I. Кн. I. стр. 98.

славившейся въ древнія времена; землѣ: ее знали даже иностранныя писатели; повѣствовавшіе о Россіи. Приведемъ нѣкоторыхъ изъ оныхъ. Павелъ Ювій (*), современникъ Герберштейна, сообщаетъ любопытныя извѣстія о процвѣтавшей въ его время торговлѣ, производимой Вогуличами, Пермьками и другими народами Сѣверной Сибири. Гдѣ рѣка Югъ соединяется съ Двиною, говоритъ онъ, тамъ находится знаменитое торговое мѣсто, именуемое Устюгъ, отстоящее отъ Москвы на 600 (Италіанскихъ) миль. Туда-то привозятся мѣха, соболи и другіе товары. Еще за 50 до него лишь упоминалъ объ Уграхъ и торговлѣ ихъ, какъ съ ближайшими сосѣдями, такъ и съ Заволочью (cum Zapolocensibus) другой Италіанскій Исторіографъ Юлій Помпоній Сабинъ (**). — Но извѣстія Герберштейна (***) касатель-

(*) См. Pauli Jovii Liber de legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII. Pont. Max. Roma. 1522.

(**) Julii Pomponii Sabini in Virgilium Commentarii Basil. 1544. 8. стр. 50 и 185; Шлец. Несм. II. 43.

(***) Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigis-

но сего предмета, любопытнее и важнее. Хотя подашь Югры и сосшолла въ мѣхахъ, но къ тамошнимъ жителямъ, привозимы были разные товары какъ съ береговъ океана, отъ Устья Двины, такъ и съ береговъ Кипай-Озера (*). Черезъ посредство Грустинцевъ и Серпоновцевъ получали они жемчугъ, дорогие камни и Индѣйскія шкани, которые ими опираваемы были даже въ Москву. Герберштейнъ говоритъ, что въ сію землю приходили торговать черные люди, не знающіе языка сей страны: это вѣроятно были жители Южной Азии, Индѣйцы. Еще и по нынѣ купцы изъ опдаленныхъ странъ привѣзжаютъ съ Бухарцами для торгова въ Рускія земли: ибо извѣстно, что законы Бухарцевъ не воспрещали прихода къ нимъ никому, какого бы онъ происхожденія ни былъ, только жилъ бы въ мирѣ; а пономуто и поселились въ странѣ ихъ Персы, Ара-

mundi Liberi Baronis in Herberstein, Neuperge et Guettenhag: Russiæ et quæ nunc ejus metropolis est, Moscoviæ, breuissima descriptio. etc.

(*). Сіе озеро, откуда произтекаетъ рѣка Обь, называется нынѣ Телецкимъ; по Монгольски Алтан-Ног.

бы, Жиды и Индѣйцы. Но слѣды сей важной и богатой торговли отъ насъ сокрыты; Испорилъ же рѣдко и уже весьма поздно упоминаеть о шѣхъ мѣстахъ, чрезъ которые проходили караваны Бухарскіе (*). Грустинцы и Серпоновцы производили торговлю мѣною и по необыкновеннымъ образомъ, какъ повѣствуетъ Герберштейнъ. Жители Лукоморіи складывали товары свои на опредѣленный для сего мѣста, а первые брали оные и клали на мѣсто взятыхъ, свои собственныя, не говоря ничего другъ другу: это вѣроятно происходило отъ того, что одинъ народъ не зналъ языка другаго. Подобно сему производили нѣкую торговлю, сперва древніе Карфагеняне, потомъ Мавры съ Неграми въ Африкѣ, Серы въ средней Азии а Лапландцы еще въ шестнадцатомъ столѣтіи.

(*). Въ началѣ пятнадцатаго вѣка, Рускіе привозили въ Самаркандъ, кожи, мѣха и холстъ. Мы не знали бы о семъ любопытномъ извѣстїи, еслибъ Испанскій Посланникъ (Ruy Gonzalez de Clavijo) бывшій при Дворѣ Тамерлана не внесъ онаго въ описаніе своего путешествїя. См. Sprengel's Geschichte der geograph. Entdeckungen, (Halle 1792) S. 365.

Лербергъ, говоря о Грустинцахъ и Серпоновцахъ, изъявляетъ сожалѣнiе, что ученые путешественники понынѣ не обращали никакого вниманiя на извѣстiя объ нихъ Герберштейна. Последнiе получили названiе опъ укрепленнаго мѣстечка Серпонова, которое лежало будио по эту сторону рѣки Оби въ Лукоморскихъ горахъ; первые же опъ мѣстечка Грустины, находившагося между ущельемъ Ирпыша и озеромъ, опкуда произтекаетъ Обь. Это вѣроятно были Гаусшинцы, о коихъ упоминаетъ *Страленбергъ* въ своемъ описанiи Сибири и коихъ остатокъ, (опъ двухъ до трехъ сотъ человекъ), нашелъ онъ близъ Томска живущимъ въ хижинахъ: они были языческiе Тапарты. При поспроенiи же Томска въ 1604 году, названы они въ Сибирской Историѣ Ейшинцами (*Jeuschinzi*). За Томскомъ въ Нарымѣ находилась знаменишая пѣгал орда, покоренная Козаками около 1792 года: это може что городъ Алакцинь (*), о коемъ упоминаетъ *Абулгази* († 1663) въ своей родословной Историѣ о Тапартыхъ (**). Сiе самое подшвер-

(*) Городъ сей получилъ названiе свое опъ пѣгихъ лошадей.

(**). Родословная Историѣ о Тапартыхъ, сочи-

дипъ можетъ показанiе о мѣстахъ, гдѣ обитали вышепоманутыя народныя племена Грустинцы и Серпоновцы; ибо они принадлежали къ пѣгой ордѣ, коей господствованiе простиралось за Нарымскую обласъ, вверхъ къ Оби до Кольванскихъ горъ.

Арабскiй Географъ *Бакуи*, жившiй за столѣтiе до Герберштейна сообщилъ также о Югрѣ нѣкощорыя извѣстiя. Герберштейнъ представилъ ее въ сношенiи съ Юго-Восточными ея сосѣдами Грустинцами и Серпоновцами; сей же писатель повѣствуетъ, что съ Юго-Запада опъ Волги и Камы, прихо-

ненная *Абулгачи-Балдуръ* - Ханомъ переведена на Руской языкъ съ Французскаго. Она напечатана въ двухъ томахъ. Слогъ сего перевода не можетъ въ наше время правиться чинашелямъ. Замѣчанiя Французскаго переводчика, переведенныя здѣсь безъ всякихъ переменъ, требуютъ исправленiя. Желательно, чтобы въ послѣдствiи времени творенiе сiе переведено было съ самаго подлинника на отечесственный нашъ языкъ, и мы надѣемся, что при нынѣшнемъ попеченiи Правительсва о распространенiи знанiя Восточныхъ языковъ, желанiе наше не останется неисполненнымъ.

дѣше Болгары производили въ Югрь нѣкую торговлю и между прочими поварами привозили шуда сабли для продажи. Сколь древно было шаковое сношеніе народовъ, о томъ Бакуи ничего не упоминаетъ; но о сей торговлѣ писалъ, за сто лѣтъ ранѣе его, другой Арабскій писатель *Абулфеда* (*). — Наконецъ надлежитъ также упомянуть и о Венеціанцѣ *Марко Поло* (**), коюраго любопытное путешествіе долго почитаемо было въ Европѣ единственнѣмъ источникомъ и руководствомъ къ познанію происшествій и древнѣйшей Азіатскихъ. Больше двадцати лѣтъ лѣтъ (съ 1270—1295) находился онъ въ Азій, путешествовавъ по Китаю и по другимъ Южнымъ землямъ. Повѣствуя о Ташарахъ и Сѣверной Азій, онъ говоритъ, что отдаленнѣйшая страна оной болѣеиша и усѣяна горами, въ ней водятся соболі и другими звѣрями. Изъ всѣхъ земель привозятъ шуда купцы за мѣхами, кои цѣ-

(*) *Abulfeda opus geographicum*, переведено на Лавинской языкъ Я. Рейске. — См. *Büschings Magazin*. T. IV. und V.

(**) *Voyages de Marc. Paul.* — См. *Bergeron, voyages faits en Asie*. T. I.

лишь у нихъ весьма дорого. Торгующіе отправляются съ проводниками на соблакахъ до самыхъ горъ, гдѣ производился шоргъ мѣхами. Изъ сего явствуетъ, что уже въ принадлежномъ вѣкѣ торговля Югря довольно извѣстна была Южнымъ Азіатскимъ народамъ, у коихъ Марко Поло собралъ обной извѣстія.

Все вышесказанное ясно доказываетъ несправедливость мнѣнія, будтобы Сибирь не прежде XVI столѣтія открыта Ермакомъ Тимоѣевымъ. Россіане, а именно Новгородцы, за 300 лѣтъ до Ермака владѣли разными землями къ Воскову отъ Уральскихъ горъ лежащими, и уже за пять до него столѣтій, въздали въ Сѣверо-Восточную Азію. (*)

(*) Спашья сія, помѣщенная въ IV части Журнала Соревнователь Просвѣщенія и Благочинія, представлена въ Вольное Общество Любителей Россійской Словесности дѣйствительными членами оного П. К. и И. Г.—

